

В следующий миг взгляд Шэнь Чжиюя остановился на нем. Канцлер тихо, ровно произнес:

— Ваше Высочество, кажется, вы немного похудели.

Ли Хай судорожно вздохнул. В груди его похолодело, но он тут же укорил себя за малодушие: глупо метаться, точно испуганная шумом курица, растерявшая все перья. Его тревога была чрезмерной.

Подумаешь, какие-то цветы и травы на клумбе. Разве стоит их бояться?

Неужели у Шэнь Чжиюя достанет умения расспрашивать сорняки, а эти безмозглые стебли способны донести на него?

Однако болезненная мнительность была его вечным проклятием — привычкой, въевшейся в кровь с самого детства. Жизнь в глубине императорского дворца, полная вечного страха, вылепила его характер. Кроме пустого титула принца, у Ли Хая не было ничего: ни любимой отцом матери-наложницы, ни сильного клана, способного заступиться за него, ни преданных советников, ни собственной тайной силы.

К тому же императорский город буквально кишел знатными родственниками. Его царственные братья, один краше другого, были статными юношами, блиставшими на лихих конях. Искусство игры на цине, шахматы, каллиграфия, живопись, верховая езда и стрельба из лука — в любом из этих занятий они с легкостью превосходили его, втапывая в грязь.

Лишенный малейшей опоры, он научился осторожничать, ловить каждое дуновение ветра и угадывать чужие мысли по малейшему движению бровей.

Вот и сейчас, неважно, скрывался ли двойной смысл в словах Шэнь Чжиюя, Ли Хай чувствовал лишь одно: канцлер его прощупывает.

Заметил, что похудел? Спрашивает, исправно ли принц изо дня в день прилежно учится? Или клонит к тому, что без стряпни служанки он остался голодным? Неужели канцлер заподозрил неладное?

Мысли Ли Хая лихорадочно неслись вскачь. Он решил действовать на опережение, разыграв карту невинной жертвы.

Бросившись к Шэнь Чжиюю, он с глухим стуком упал на колени, вцепился в подол его роскошного одеяния и в мгновение ока выдавил из себя слезы.

— Я... я знаю, как тяжело господину канцлеру, — заговорил он сквозь рыдания. — Варвары лютуют, бесчинствуют повсюду... Если вам слишком трудно оберегать меня, вы вправе меня оставить. Я ни в чем не стану винить господина.

"Какое жалкое зрелище..."

Шэнь Чжиюй на мгновение замер. Поборов острое желание брезгливо отпрянуть и уйти прочь, он совладал с отвращением, наклонился и бережно поднял мальчика за плечи.

— Вашему Высочеству не следует так принижать себя.

— Значит, господин канцлер все еще печется обо мне! — обрадовался Ли Хай, крепко хватая Шэнь Чжиюя за предплечья. — Ваша служанка уже несколько дней не приносит мне еду. Я уж грешным делом подумал, что вы...

Он нарочно оборвал фразу, вынуждая собеседника самого додумывать худшее.

Шэнь Чжиюй поморщился: Ли Хай сжимал его локти слишком сильно, причиняя тупую боль. Он чувствовал себя живой игрушкой в руках капризного ребенка, чьи мысли темны, а нрав переменчив. Никогда не угадаешь, в какую секунду этот мальчишка разозлится настолько, что попытается выколоть тебе глаза.

— Но ничего, слава небу, я с ранних лет привык сам готовить, — Ли Хай настойчиво увлек Шэнь Чжиюя в дом, усадил в кресло и, поспешно принеся пиалу и палочки, налил наваристого костного бульона на летней кухне. — Раз уж господин канцлер заглянул ко мне, отведайте моей стряпни.

Стоило Шэнь Чжиюю бросить взгляд на жирный бульон, как к горлу подкатила дурнота.

В прошлой жизни мощь Юань Чэ была сокрушительной, Армия Гуйжун наводнила каждый переулок столицы. В последние два года Шэнь Чжиюй даже не смел нанимать прислугу для Ли Хая — стирать и готовить приходилось своими руками. Стряпню канцлера не стали бы есть даже дворовые собаки, и тогда Ли Хай, мягко улыбнувшись, вызвался встать у плиты сам.

Готовить принц действительно умел. В отличие от Шэнь Чжиюя, ему не приходилось изнурять себя интригами и противостоянием с Юань Чэ, времени у него было в избытке, и он каждый день изоощрялся, придумывая новые блюда.

Вот этими ладными руками он подмешивал яд, медленно и мучительно оборвавший жизнь канцлера.

По телу Шэнь Чжиюя пробежал ледяной озноб. Он не боялся смерти — смерть наступает мгновенно. Он до дрожи страшился этой дымящейся пиалы с супом. Вид бульона воскрешал в памяти жуткие, холодные дни в императорской тюрьме, когда он, содрогаясь от спазмов, харкал кровью на грязный пол.

Казалось, мириады плотоядных тварей заживо пожирают его изнутри.

— Господин Шэнь? — встревожился Ли Хай, заметив, как стремительно мертвенная бледность покрыла лицо канцлера.

С трудом вырвавшись из удушливых объятий прошлого, Шэнь Чжиюй взглянул на шестнадцатилетнего Ли Хая, стоявшего перед ним. Вокруг раскинулся его собственный тихий двор. Уняв дрожь в руках, он тихо ответил:

— Простите, Ваше Высочество. В последнее время я неважно себя чувствую.

— Какая жалость, — разочарованно протянул Ли Хай. Его взгляд угас. — Вы так редко заглядываете ко мне, а я даже не могу как следует вас угостить.

Шэнь Чжиюй осторожно отодвинул от себя пиалу:

— Ваше Высочество, сейчас вам не следует тратить драгоценное время на суету у плиты.

— Но ведь я больше ничего не умею, — Ли Хай крепко сжал кулаки. Стоя над сидящим в кресле канцлером, он отчетливо понимал: между ними пролегает невидимая, неодолимая пропасть. Горько усмехнувшись, он спросил: — Господин канцлер, порой я задаюсь вопросом... У меня нет ни дикой силы этих северных варваров, ни хитрости моих честолюбивых дядей. Почему из всех наследников вы выбрали именно меня?

"Ты даже глотка моего бульона сделать не желаешь, а еще смеешь говорить о преданности и поддержке. До чего же фальшиво! Мои подозрения оправданы. Ты сам в этом виноват!"

На обратном пути Шэнь Чжиюй все же не выдержал. Опершись о шершавый ствол дерева, он содрогнулся в приступе сухой, мучительной рвоты. Из-за гибели Ин-эр кусок не лез ему в горло; за весь день он не проглотил ничего, кроме горького лекарства и пары глотков чая. Желудок был пуст, и наружу выходила лишь горькая желчь.

— Вэй Си, дай воды... — хрипло сорвалось с его губ.

Осознав, что только что произнес, Шэнь Чжиюй замер. Сердце болезненно сжалось. Вэй Си тоже пропал, его судьба висела на волоске, и спасти верного слугу мог только он сам.

С трудом выпрямившись, он внезапно заметил на земле, у самых корней, кожаный бурдюк. Подняв его и откупорив деревянную пробку, Шэнь Чжиюй принялся — вода внутри была чистой и прохладной.

В лесистых предместьях столицы деревья летом разрастались так буйно, что слугам приходилось регулярно обрезать ветви, иначе они мешали проезду экипажей.

Шэнь Чжиюй не обладал зоркостью Юань Чэ, но здравый смысл подсказывал ему: бурдюк оставили здесь нарочно. Причем буквально мгновение назад.

Уянь, укрывшись в густой тени векового дерева, лениво подпирал подбородок ладонью.

Он следовал за канцлером от самых дверей его резиденции до тайного жилища Ли Хая и обратно. Зачем Его Величеству понадобилось тайно опекать этого хрупкого чиновника? Верный воин не понимал мотивов своего повелителя, но приказы не обсуждались — оставалось лишь безукоризненно их выполнять.

Башня Девяти Коршунов

Час Петуха. Стоило солнцу скрыться за горизонтом, как на Башне Девяти Коршунов один за другим, снизу вверх, зажглись алые бумажные фонари. Их багровое свечение окутало трехъярусную пагоду атмосферой порочного праздника. Внешнее убранство здания отличалось изысканной строгостью: безупречная симметрия, глубокие, но не кричащие тона. Издалека башня казалась тихой обителью ценителей изящных искусств, но стоило подойти ближе...

— Господин, куда же вы так спешите? До сна еще далеко! Я сама приготовила кувшин чудесного вина, зайдите, пригубите с нами!

— О господин, вы не навещали меня целых три дня!

Раскрашенные красавицы во всех цветах радуги зазывали прохожих у входа. Сладкий, удушливый аромат их пудры и благовоний разносился на две улицы вперед. Стоило случайному мужчине замешкаться, как его тут же хватали под белы ручки и с кокетливым лепетом утаскивали вглубь заведения на ночь безумных утех.

Юань Чэ облачился в шелковое платье богатого уроженца Срединной равнины, надеясь затеряться в толпе, однако суровые черты северянина выдавали его с головой, производя совершенно обратное впечатление.

Слишком высокий, широкоплечий, с резким разлетом бровей и глубоко посаженными глазами, он возвышался над толпой. Широкий пояс выгодно подчеркивал его узкую талию и мощный разворот плеч. Сквозь тугие наручи проступали рельефные вены — даже в покое его руки дышали сокрушительной силой, заставляя уличных девиц замирать в трепетном предвкушении.

Робкие неофитки обходили его стороной, но опытные куртизанки, чья кожа давно огрубела от столичного бесстыдства, обожали подобных грозных мужчин. Заметив Юань Чэ, статная девица в фиолетовом шелке протиснулась сквозь толпу и бесцеремонно положила ладонь с

ярко-алыми ногтями на его плечо, призывно стреляя глазами:

— Неужто господин сегодня изволит отдыхать в одиночестве?

Стоило ей придвинуться ближе, намереваясь коснуться его щеки, как Юань Чэ ленивым жестом выставил палец, останавливая ее порыв.

Девушка застыла, недоуменно захлопав ресницами:

— Господин?

— Ни к чему, — сухо отозвался Юань Чэ. — Я пришел со своим.

— Что?

Оглядевшись по сторонам, куртизанка наконец заметила ту, что безмолвно сидела рядом с ним. Эта гостья разительно отличалась от завсегдатаев Башни Девяти Коршунов. В то время как вокруг гремел пьяный смех и лилось вино, она сидела прямо и чинно. Нижнюю половину ее лица скрывала плотная белая вуаль, оставляя открытыми лишь глаза, веки которых украшала крошечная киноварная родинка. Небесно-голубое платье с вышитыми журавлями укутывало ее фигуру до самого подбородка, не позволяя разглядеть ни единого клочка кожи.

Если не считать того, что ростом и статью незнакомка превосходила обычных женщин, держалась она истинной небожительницей, случайно спустившейся в эту клоаку.

Девушка в фиолетовом недоверчиво окинула взглядом таинственную спутницу, затем вновь перевела взор на Юань Чэ. Законные жены никогда не сопровождали мужей в подобные притоны. Судя по возрасту юноши, он вряд ли успел обзавестись семьей, а значит, перед ней была любимая наложница или смазливая служанка для утех. Игриво усмехнувшись, куртизанка пропела:

— Ну и пусть! Мы с сестрицей можем ублажить господина вдвоем.

Юань Чэ не удержался от громкого смеха.

— Не пойдет, — он бесцеремонно приобнял своего спутника за талию и кончиками пальцев приподнял скрытый вуалью подбородок, изображая заправского повесу. — Мое сердце сейчас безраздельно принадлежит этой милашке. Если она приревнует, мне несдобровать.

Юань Чэ небрежно выудил из рукава тяжелый серебряный слиток и вложил в ладонь девушки:

— Сегодня мы здесь не ради плотских забав. Ступай, приготовь для нас лучшие покои на третьем ярусе и позови управляющего. Скажи, пришел солидный гость за большим делом.

Башня Девяти Коршунов славилась не только продажными девками, но и превосходными шелками. Это было крупнейшее ателье столицы.

Редчайшие нити, поставляемые в Императорский город в качестве дани, окольными путями стекались сюда. Здешние искусные мастерицы создавали из них неповторимые наряды, за которыми охотились дочери самых знатных семейств. Поскольку этот товар нес на себе клеймо высочайшего двора, его не выставляли на обычных прилавках. Купить драгоценный шелк за одни лишь деньги было невозможно — требовались связи. Торговцы умышленно напускали туману, взвинчивая цены до небес.

Девушка удивленно уставилась на серебро, закивала и, бросив завистливый взгляд на прильнувшую к Юань Чэ "красавицу", поспешно удалилась, шурша юбками.

Стоило куртизанке скрыться из виду, как Юань Чэ получил чувствительный тычок в бок. Его спутница мгновенно отстранилась и выпрямилась.

— Господин Юань, я погляжу, преданнее вас мужчины не сыскать во всей Поднебесной.

— А как же, — кривясь от боли, пробормотал Юань Чэ. — В верности мне равных нет. Однако, господин Шэнь, признаться, я не ожидал от вас...

— Чего именно?

— Ничего, забудьте.

Разумеется, под нежно-голубыми шелками скрывалась вовсе не хрупкая дева, а сам Шэнь Чжиюй.

Юань Чэ тихо рассмеялся:

— Ну полно вам сердиться. Подумайте сами: явись мы сюда вдвоем как благообразные мужи, нас бы вмиг облепил рой голодных девиц. — Он кивнул в сторону залы, где унылые переборы пипы тонули в разноголосом пьяном гомоне торговцев. — Разве удалось бы нам вывести хоть что-то? Пришлось принести вас в жертву общему делу. Зато теперь все видят, что я пришел со своей дамой, и лишних вопросов не задают. Идеально же!

Шэнь Чжиюй холодно усмехнулся:

— Отчего же Ваше Величество не соизволили примерить это платье на себя?

— Ого! — прыснул Юань Чэ. — Мне-то не привыкать, но неужто у вас столь изысканные вкусы?

—.....

Шэнь Чжиюй промолчал, одарив его уничтожающим взглядом.

Заметив, что за напускным спокойствием канцлера кроется глубокое смятение — его пальцы нервно потирали край фарфоровой чашки, — Юань Чэ шутливо приподнял бровь:

— Господин канцлер, что с вами? Неужто не по душе здешние нравы? Странно. Мне казалось, столь утонченный вельможа должен быть частым гостем в подобных заведениях. Полагаю, вы ведете здесь беседы об искусстве с местными прелестницами?

Не дав Шэнь Чжиюю вставить и слова, Юань Чэ картинно хлопнул в ладоши:

— Ах, простите, я понял.

— И что же вы поняли?

— Здешние девицы слишком вульгарны, — хмыкнул император. — Разве могут эти раскрашенные куклы сравниться с вашей утонченностью? Пожалуй, вам действительно приятнее любоваться собственным отражением в зеркале резиденции, нежели тратить время на эту дешевую мишуру.

Шэнь Чжиюй проигнорировал издевку. Заметив, что мимо их стола покачивающейся походкой проходят хмельные гости, он схватил Юань Чэ за воротник и, резко притянув к себе, прошептал ему прямо в ухо:

— Ваше Величество слишком упрощает задачу. Раз уж мы сумели проследить след редкой нити до этих стен, то и кукловод наверняка знает о такой уязвимости. Подобный товар отпускается лишь избранным. Если именно сейчас в Башню явится подозрительный купец с крупным заказом, это неминуемо вызовет подозрения.

Веселье мгновенно сошло с лица Юань Чэ. Он мысленно выругался.

В этот момент вернулась давешняя девица в сопровождении пышногрудой хозяйки заведения. Стоило старой сводне завидеть Юань Чэ, как ее глаза алчно блеснули, а надушенный веер замелькал в воздухе с бешеной скоростью.

— Ой, батюшки! Что за недотепы у меня служат! Оставили такого почтенного гостя томиться в общем зале! Здесь же шумно, не протолкнуться! А ну живо проводите господина в уединенную залу на верхнем ярусе! Эй, вы, бездельницы, за мной!

Юань Чэ не успел обдумать предупреждение Шэнь Чжиюя, как у него нервно задергалось веко.

Словно в подтверждение его худших опасений, сводня заверещала:

— Ступайте к господину, покажите все свои таланты, не скупитесь на ласку! — Она обернулась к императору, упорно игнорируя сидящего рядом безмолвного "спутника". — Молодой господин, к чему ограничивать себя одной розой, когда перед вами целый сад? Наши девочки — лучшие в столице, вы только попробуйте, сами все поймете!

Шэнь Чжиюй едва сдерживал смех под вуалью. У Юань Чэ от злости едва ли не сводило челюсть.

Он собирался было вновь прикрыться своей "возлюбленной", но Шэнь Чжиюй, умело симулируя кокетливую обиду, прильнул к его плечу и горячо шепнул на ухо:

— Соглашайтесь. Эти девки — их соглядатаи. Хозяйка ни за что не оставит незнакомого гостя без присмотра.

— И что делать?

— Соглашайтесь. У меня есть план.

Со стороны их перешептывание выглядело как милая ссора: капризная наложница дула губы, а пылкий покровитель торопливо ее улеживал. Хозяйка лишь понимающе улыбнулась.

Сжав зубы, Юань Чэ кивнул и, покрепче обняв Шэнь Чжиюя за талию, поднялся с места:

— Хорошо. Пусть идут с нами.

На втором ярусе гул пьяной толпы заметно утих, а приторный дух дешевых притирок сменился едва уловимым ароматом дорогого сандала. Третий же этаж встретил их абсолютной, почти зловещей тишиной. Сводня и сопровождавшие их девицы ступали бесшумно, словно бесплотные тени.

Лишь хозяйка продолжала угодливо щебетать, время от времени пытаясь заглянуть под белую вуаль загадочной спутницы. Однако Юань Чэ оберегал своего "партнера" столь бдительно, что пробиться сквозь его заслон не представлялось возможным. Хищный, жесткий разрез глаз северянина сулил скорую расправу любому, кто посмеет проявить излишнее любопытство. Дважды натолкнувшись на этот ледяной взор, старая сводня оставила свои попытки.

Перед тем как переступить порог отдельного кабинета, Юань Чэ мимоходом глянул в окно, выходящее во внутренний двор. В густых кронах деревьев и на стыках черепичных крыш едва

заметно шевельнулись тени. Елюй Лу со своими людьми уже занял позиции.

Стоило фальшивому купцу показать приходные книги, как ловушка должна была захлопнуться.

— Устраивайтесь поудобнее, господин, а я поспешу за нашим управляющим. Он лично покажет вам редчайшие новинки шелкового двора, — заискивающе зашебетала сводня и прикрыла за собой тяжелую дубовую дверь.

Куртизанки порхнули к Юань Чэ, намереваясь рассестись по обе стороны от него.

Внезапно мирное течение вечера было нарушено.

Комната была тесной, а суeta надушенных девиц мешала обзору. Пользуясь тем, что внимание соглядатаев рассеяно, Шэнь Чжикой незаметно потянулся к стоявшему на углях чайнику и плеснул крутым кипятком себе на руку. Лицо его не дрогнуло ни на миг. Прижав ладонь к мгновенно покрасневшей коже, он с тихим стоном опустилсЯ на колени Юань Чэ, пряча лицо на его груди и мелко, жалобно дрожа.

Находившиеся в комнате девицы оцепенели от ужаса.

Юань Чэ застыл, округлив глаза.

"Чего замер? Действуй!" — раздался едва слышный шепот у самого его уха.

Опомнившись от горячего дыхания на своей шее, Юань Чэ мгновенно перехватил инициативу. С диким грохотом его тяжелый сапог сокрушил стоящий перед ними лакированный стол, разнеся его в щепки.

— Безмозглые твари! — рявкнул он, и этот громоподобный голос заставил содрогнуться стены.
— Кто посмел навредить моей женщине?!

Врожденное величие и ярость правителя хлынули наружу неодолимой лавиной. Перепуганные куртизанки повалились на колени, не смея поднять глаз. Ни у кого из них даже мысли не возникло усомниться в подлинности этой ярости или уличить Шэнь Чжиюя в намеренном членовредительстве.

Ворвавшаяся обратно в комнату сводня всплеснула руками:

— О небо! Что здесь стряслось?!

Юань Чэ проигнорировал ее вопли. Бережно, словно хрупкую хрустальную вазу, он поднял

Шэнь Чжиюя на руки, перенес за резную ширму и уложил на мягкую кушетку.

— Считаю до трех, — процедил он сквозь зубы, не оборачиваясь. Рука его непроизвольно легла на пояс, будто нащупывая рукоять меча. — Вон отсюда.

От его фигуры веяло такой жаждой крови, что сводня, мгновенно растеряв весь свой лоск, принялась отвешивать поклоны и поспешно вышвыривать перепуганных девиц за дверь, одновременно отправляя слуг за лучшим целебным бальзамом.

— Господин, сжальтесь! Эти негодяйки глупы и неуклюжи, они непременно понесут самое суровое наказание за свою оплошность! Скорее нанесите мазь на кожу прелестницы, не приведи небо останутся шрамы!

Юань Чэ молча вырвал из ее рук баночку с мазью. Его взгляд был прикован к обожженной руке Шэнь Чжиюя.

— Исчезни.

Старуха испарилась в мгновение ока.

В кабинете наконец воцарилась тишина.

Прошло около четверти часа, прежде чем дверь осторожно приоткрылась. Сводня, втягивая голову в плечи, впустила в комнату того самого управляющего.

Перед ними предстал тучный, лоснящийся от жира купец, от которого за версту разило вульгарной роскошью и золотом.

Извещенный о недавнем скандале, торговец лишь мельком взглянул на обломки стола и угодливо улыбнулся:

— Господин столь трепетно оберегает свою красавицу. Редкое благородство в наше время.

Юань Чэ смерил его ледяным взглядом:

— Тебе это кажется забавным?

Купец сдавленно кашлянул и поспешно приказал слугам внести новый стол, расставить дорогие яства и кувшины с выдержанным вином. Посуды было так много, что тарелки громоздились друг на друга.

— Прошу вас, присаживайтесь. Этот скромный ужин — за счет заведения. Давайте обсудим дела в более приятной обстановке.

Сдерживая клокочущую ярость ради успеха дела, Юань Чэ опустился на стул.

В этот момент лоснящиеся глазки торговца скользнули в сторону кушетки, где сидел безмолвный Шэнь Чжиюй. Излишне плотное платье не могло скрыть его величавой осанки, а тонкий аромат сандала и изящество позы заворожили похотливого дельца. Жадно облизнувшись, он произнес:

— Молодой господин, как я погляжу, прибыл к нам с Севера. У нас, на Срединных равнинах, заведено, чтобы за столом переговоров дорогих гостей ублажали прекрасные девы. Так и сделки идут споро, и уступки даются легче. Раз уж вы прогнали моих девочек... — он скабрёзно потер ладони друг о друга и мерзко захихикал, — пусть ваша прелестница поднесет нам вина.

Стоило этим словам слететь с его губ, как Шэнь Чжиюй медленно поднял голову. Из-под тонкой вуали сверкнул взгляд, острый и холодный, как лезвие выхваченного меча.

Голос Юань Чэ опустился до леденящего шепота:

— Повтори, что ты сейчас сказал?

<http://bllate.org/book/20512/2202398>